

О.С.Чеснокова

Памяти жертв военного переворота в Чили: роман Роберто Ампуэро «Последнее танго Сальвадора Альенде»

Роман чилийца Роберто Ампуэро «Последнее танго Сальвадора Альенде» (2012) посвящен трагическим событиям истории Чили — государственному перевороту 11 сентября 1973 г. и личности президента Альенде, осмысленным средствами художественного текста и исповедального дискурса двух основных рассказчиков: бывшего агента ЦРУ и друга юности президента.

Ключевые слова: художественный текст, эстетический код, чилийский национальный вариант испанского языка, южноамериканизм.

Данная статья посвящена роману современного чилийского писателя Роберто Ампуэро (р. 1953, Вальпараисо) «Последнее танго Сальвадора Альенде», вышедшему в 2012 г. в издательстве «Sudamericana»¹. Литературные тексты, будучи интегральными составляющими художественного дискурса, — это не сама жизнь, а жизнь, преломленная и отображенная эстетически: «дискурс — это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века», при этом происходит «особое использование языка для выражения **особой ментальности, а также особой идеологии**»² (выделено мной. — О.Ч.). Это принципиально важно для понимания эстетики рассматриваемой книги. Автор предваряет ее словами: «Вымысел? Реальность? Хоть книга и основана на недавней бурной истории Чили и на доскональном исследовании самого автора, она — роман, и должна читаться именно как роман».

Но понять и прочувствовать эстетику романа без знания трагических фактов истории Чили невозможно. Речь идет о событиях накануне переворота и о самом военном перевороте 11 сентября 1973 г., которые и создают главный исторический фон произведения.

Ольга Станиславовна Чеснокова — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (tchesnokova_olga@mail.ru).

Роберто Ампуэро

Как следует из названия, роман посвящен погибшему президенту. Сальвадор Альенде Госсенс (Salvador Allende Gossens, 26 июня 1908 г., Вальпараисо, Чили — 11 сентября 1973 г., дворец Ла Монеда, Сантьяго, Чили) — уникальная фигура в истории Латинской Америки. Медик по образованию, он родился в Вальпараисо и происходил из семьи чилийской аристократии. Альенде начал заниматься политикой с ранней молодости и четырежды баллотировался на высший пост³. 4 сентября 1970 г. он стал законно избранным главой государства. Президент верил в мирный путь к социализму, без диктатуры пролетариата, за что его называли «идеалистом» или «доверчивым гуманистом»⁴.

Ситуация в Чили во время мандата Альенде складывалась сложно. 29 июня 1973 г. небольшая группа военных предприняла попытку мятежа, закончившуюся провалом. В июле 1973 г. вспыхнул локаут владельцев автотранспорта, который парализовал снабжение и экономическую жизнь страны. В августе Альенде ввел в правительство военных, а командующим армией назначил 58-летнего генерала Аугусто Пиночета. 11 сентября 1973 г. армия подняла мятеж. Президент Альенде отказался покинуть дворец Ла Монеда, где и погиб.

На протяжении почти 40 лет существовали две версии гибели Альенде: первая — президент был убит в перестрелке с путчистами, вторая — покончил собой, чтобы не сдать предателям живым. Эксгумация тела в 2011 г. подтвердила факт самоубийства⁵.

По официальным данным, за годы правления Пиночета в Чили с 1973 по 1990 г. по политическим мотивам были убиты почти 3,2 тыс. человек, почти 1,2 тыс. пропали без вести, а пыткам подверглись около 28 тыс. человек⁶. Десятки тысяч чилийцев были вынуждены покинуть родину.

О чем же именно роман «Последнее танго Сальвадоре Альенде»? Произведение имеет многолинейный сюжет и полифоническую структуру. Действие разворачивается спустя 20 лет после переворота. В романе два основных рассказчика: бывший сотрудник ЦРУ Дэвид Курц и Руфино Кательбо, товарищ юности Альенде, с которым они когда-то в Вальпараисо постигали уроки политической борьбы у анархиста Демарчи.

Повествование ведется, как правило, от первого лица — Курца или Кательбо, т.е. оно идет в формате «я»-дискурса, главного, по утверждению выдающегося отечественного языковеда Ю.С.Степанова, «эгоцентрического слова»⁷, задающего особый тип повествования. Применяя терминологию теории дискурса, можно сказать, что тот тип, с которым мы имеем дело в тексте романа, это — *конфиденциальный*, или *исповедальный дискурс*, поскольку оба рассказчика предельно откровенны и порой даже безжалостны по отношению к себе и к описываемым событиям.

Третья глава открывается описанием того, как теплым летним утром пекарь Руфино, до этого бывший и сапожником, и коком на китобойном судне, решается выкрикнуть из толпы встречающихся на улицах Сантьяго с президентом Альенде: «Я — Качафас. Помните меня?» (23)⁸.

Качафас — значимое для южноамериканской культуры имя. Это прозвище хорошо известного в начале XX в. танцовщика танго, настоящее имя которого — Ovidio José Bianquet. Сам же южноамериканизм *cachafaz* означает «живчик», «весельчак», «плут»⁹. Вот как объясняет Руфино лестность для него прозвища «Качафас»: «Президент знал, что с юности меня называли **Качафас**, в честь знаменитого аргентинского танцовщика. Мне всегда нравилось танго» (293).

Непонятно, узнает президент в толпе своего товарища юности или нет, но тем не менее пекарь Руфино получает приглашение во дворец Ла Монеда, начинает работать поваром президента и становится — в структуре романа — одним из его повествователей. Он ведет дневник, куда записывает каждый свой день с президентом, которому бесконечно предан, свои размышления о личности президента, его вкусах, предпочтениях, его отношениях с женщинами, да и о своей непростой личной жизни и отношениях с женой Амандой. Она вызывает у него, скорее, чувство благодарности, чем любовь, поскольку он продолжает любить безвременно скончавшуюся первую жену, мать его единственного сына. Много страниц в дневнике Руфино посвящено тяжелым дням, которые переживает Чили, а также наблюдениям над политическими лидерами, с которыми встречается Альенде. Любопытно, что в первых главах президент обращается к Руфино по его юношескому прозвищу *Качафас*, а затем, с 12-ой главы, — по имени или «товарищ». Руфино же называет президента не иначе, как уважительной формой обращения Doctor.

Кто же другой, первый рассказчик, поскольку именно его исповедальный дискурс открывает текст?

В первой главе романа бывший агент ЦРУ Дэвид Курц описывает последние минуты жизни его умирающей от рака единственной дочери — Виктории. В 70-е годы под видом канадца, продавца фотооборудования, Курц работал в Чили. Там с ним были жена и дочь, которая училась на археолога и увлекалась индейскими культурами, в частности культурой *atacameño*, и много общалась с чилийскими сверстниками. Курц тяжело пережил смерть жены, и вот теперь на его глазах уходила из жизни его единственная дочь. Перед смертью она берет с отца слово, что он передаст часть ее праха и находившийся у нее дневник своему бывшему возлюбленному, чилийцу по имени *Эктор Анибаль*.

Известие о том, что в годы перед военным переворотом дочь, жившая затем, казалось бы, в прочном браке с американцем, была страстно влюблена в чилийца, поражает Курца, и он отправляется «на край света», чтобы выяснить факты из жизни дочери в юности, найти ее бывшего возлюбленного, передать ему прах дочери и осмыслить свою собственную жизнь. Поиски бывшего возлюбленного дочери и перевод дневника — это одна из сюжетных линий романа.

Симптоматичны следующие рассуждения Курца о Чили: «Когда человек окончательно покидает страну, он думает, что это навсегда. Но это не так, если речь идет о Чили. Эта страна тебя поглощает, овладевает тобой, не позволяет, чтобы ты освободился от нее, и преследует тебя, где бы ты ни находился, своими кризисами, своим напряжением и воспоминаниями. Гораздо более, чем пейзаж, Чили — это состояние души» (255). «Кто был в состоянии видеть новую страну и одновременно забыть ее недавнее прошлое?», — спрашивал я себя. Даже я вернулся, спустя 20 лет после моего первого прибытия в эту страну, потому что даже **моя скончавшаяся дочь не смогла оторваться от этого уголка земного шара**» (257).

Дневник, который попадает в руки Курца, это дневник Руфино. Американец периодически сомневается в том, мог ли сапожник или пекарь уделять внимание столь тонким деталям и делать такие наблюдения. Любопытно, что по мере развития повествования, голос Курца сливается с голосом Руфино, Курц начинает цитировать Руфино, мысленно переговариваться с ним, например: «На самом деле Руфино использует Аманду, как и я — Касандру, чтобы добиться низменных целей» (246). «Я слишком много думаю о Докторе, насколько мне позволяет подглядывать за ним эта тетрадка. Без сомнения, я сейчас слишком раним из-за эмоциональной нестабильности, вызванной смертью Виктории» (247—248). «Оазис Сан-Педро-де-Атакама возникает как некая надежда в одиночестве пустыни **(пишу, словно я — Руфино)**» (298).

Роман помещен в эстетически преломленные чилийский, латиноамериканский и мировой контексты, с которыми он связан многочисленными интертекстуальными связями. Каждая глава сопровождается эпиграфом, многие из которых — строки танго или хорошо известных песен на английском языке, что соответствует основному двухголосию романа. Что значит танго для латиноамериканца? Энергичный завораживающий четкий ритм, страсть, красота, тема одиночества, покинутости: можно приводить много эпитетов и ассоциаций.

В романе Руфино и президент часто слушают танго, обсуждают их слова и даже устраивают что-то типа урока танго. И текст романа наполняется именами реальных, знаковых для латиноамериканца и любителя этого жанра фигур: Карлос Гардель, Хулио Соса, Энрике Сантос Диссеполо, Альберто Ледесма, Рауль Берон и др.

Сравнение успехов чилийских политиков с танцем содержится в высказывании гадалки на картах Таро — чилийки с символичным именем Касандра, помогающей Курцу раскручивать клубок тайны Эктора Анибалья: «В этой стране все знаменитости рождаются в провинции, а потом приезжают испытать судьбу на паркете Сантьяго», — сказала с улыбкой Касандра, — **«Сантьяго узаконивает или отвергает их танец»** (296).

Как уже было сказано, в дневнике Руфино много строк о том тяжелейшем экономическом положении, в котором оказалась Чили в 1973 г. В какой-то момент Руфино делает президенту рискованное предложение: поменяться одеждой и съездить в какую-нибудь тангерию в Вальпараисо. Примечательно, что многие отмечали внешнее сходство президента и Руфино, при том, что у первого были тот аристократический лоск и шик, которых, естественно, не было у второго: «Да вы, как две капли воды<...>. Конечно, — добавила она, исподлобья взглянув на меня, — за версту видно, что он-то — истинный аристократ» (105).

Сальвадор Альенде

Смелый план удастся. Очевидно, именно этот символический эпизод вынесен на обложку романа. Президент своими глазами видит, как тяжело живет народ, как не хватает продуктов:

— Пипенью¹⁰ нет, — ответил официант.

— Как это нет?, — возмутился Доктор.

— Да вот так, кабальеро. Пипенью не доставлено из-за забастовки владельцев автотранспорта. Но осталось пиво, хоть мы и выдаем максимум две бутылки на человека» (286).

Танго же президента с партнершей Кармен Арос выглядит вполне достойно. Владелец тангерии говорит похожему на аргентинца клиенту, что в его заведение под названием «Piojera»¹¹ (дословно — «кишащий вшами, но что также в чилийском национальном варианте испанского языка значит «обноска, отрепья»¹²) захаживали президенты Алессандри, Риос и Фрей. Когда переодетый в Руфино (или под Карлоса Гарделя) Альенде спрашивает, бывал ли в этом заведении нынешний президент, то владелец кафе говорит: «Нет, пока еще не был. А стоило бы, чтобы прочистить мозги» (287).

Любопытно, что мысленно полемизируя с Руфино, Курц отвергает возможность этого посещения: «Эта сцена — плод воображения Руфино и подтверждение того, что в моих руках находится скорее роман, чем дневник» (297).

По выражению знаменитого итальянского семиолога Умберто Эко, «найти код — это и значит теоретически постулировать его»¹³. В «Последнем танго Сальвадора Альенде», на наш взгляд, можно выделить несколько эстетических кодов.

Достоверный исторический код (упоминание реальных событий чилийской истории накануне государственного переворота 11 сентября 1973 г. и реальных личностей).

Топонимический код (реальная чилийская топонимика: названия чилийских городов, рек, вулканов, городская топонимика, оттопонимические имена, напр.: *el río Mapocho*, улица *Pedro de Valdivia*, улица *Tomás Moro*, город-порт *Valparaíso* и его оттопонимическое прилагательное, название жителей Вальпараисо: *porteño*; гора *Cerro Alegre* в Вальпараисо, оттопонимическое имя, называющее жителей столицы, — *santiagoños*, пустыня *Atacama*, порт *Puerto de Talcahuano* и др.).

Тангерия «Piojera»

Код достоверного чилийского предметного мира в его бытовом, повседневном воплощении. В тексте упоминаются особенности чилийской кухни, например, виды хлеба *halulla*, *colisa*, блюдо *bandeja con locos**¹⁴, знаменитый чилийский коктейль *pisco sour*, чилийские реалии, например, футбольный клуб *Orompello*. Латиноамериканизмы, южноа-

мериканизмы и собственно чилинизмы текста также создают его особый лингвистический фон и эстетический колорит, например: латиноамериканизм *compinche* «кум», южноамериканизмы *achunchado* «покорный», *julepe* «страх», *auto* «автомобиль», американизм *living* «гостинная»; чилинизмы *calichero* «рабочий на селитровых приисках», *tomio* «правые», *uslero* «скалка», *palta*, *pije*, *pituco* «пижон», *tincar* «предчувствовать, предвидеть», *curado* «пьяный», *pololo* «парень, возлюбленный», *polola* «девушка», «возлюбленная» и др.¹⁵.

Музыкальный код. Как уже было сказано, текст насыщен фрагментами текстов музыкальных произведений, в первую очередь танго, музыкальными аллюзиями и ассоциациями.

Код оккультных сил, воплощенный, прежде всего в образе чилийки Касандры, становящейся возлюбленной Курца и помогающей ему в его нелегкой миссии.

Как это ни парадоксально, **код диалога культур**, поскольку Курц предстает в романе как рациональный протестант-англосакс, дискурс которого на бытовом уровне сопровождается упоминанием американских реалий, например, ресторана «*Red Lobster*», его любимого книжного магазина «*Barnes & Noble*», знаменитых американских музыкантов, например, *Луи Армстронга*. Но главное содержание диалога культур, которое бессознательно осуществляет Курц под влиянием пережитой трагедии — безвременной смерти дочери, это стремление понять чилийцев, у которых он в результате практически просит прощения.

Сам же Ампуэро, по существу, в художественно преломленной форме показывает читателю различные судьбы чилийцев после военного переворота. Так, по контексту романа можно с точностью определить год рождения Касандры — 1965. В 1973 г., когда она с родителями эмигрировала в Германию, ей было 8 лет, и как ребенок она легко адаптировалась к новым условиям, чего не произошло с ее родителями, представителями творческих про-

* Поднос с «бешеными» — так называют в Чили этот вид еды, так как моллюсков перед подачей на стол помещают в резиновый мешок и очень сильно, т.е. бешено, отбивают молотком.

фессий, которые глубоко страдали вдали от родины и так и не прижились на чужбине. В 1990 г. Касандра с родителями вернулась в Чили.

О судьбе чилийцев из Вальпараисо рассуждает в романе футбольный тренер Дон Фернандо, к которому Курц приходит в поисках Эктора Анибала: «В Канаде 30 тыс. чилийцев, и почти все они — из Вальпараисо», — сказал Дон Фернандо. — Тысячи чилийцев живут в Швеции. Трудно представить себе уроженцев Вальпараисо в холоде и темноте этих стран» (319).

Много строк посвящено предчувствию смерти Альенде, например: «Дважды я слышал, как Доктор в эти дни говорил, что его из Дворца Ла-Монеда вынесут только мертвым, и, говоря это, он показывал, как подносит пистолет к виску и стреляет. «Бах и все», — сказал он. «И все кончено. Если будет государственный переворот, я буду в Ла Монеде. Меня должны будут вытащить из дворца ногами вперед, в деревянной пижаме. Президент Чили не сдастся, черт возьми!» (270).

Руфино погибает, сражаясь за Ла Монеду. Аманда узнает его на фотографии погибших защитников дворца, и только спустя много лет она получает подтвержденную анализом ДНК кость мужа из братской могилы, находящейся в пустыне Атакама, которую она и хоронит (355).

Девичьей любовью дочери Дэвида Курца Виктории оказался сын Руфино, Эктор Доменико Катальбо. «Анибаль» была его подпольная кличка. Как и многие чилийцы, он использовал другое имя по соображениям конспирации. Так и Виктория в разговоре с Амандой назвалась именем *Таня*: «Она сказала мне, что ее зовут Таня и что она — девушка моего сына» (358).

С помощью своих старых связей Курц выясняет трагическую судьбу Эктора. Как активист движения сопротивления режиму Пиночета он после, очевидно, пыток был утоплен:

— Куда его отправили?

— В море, с остальными.

— В море? А потом?

— Все отправились в море, Дэвид. Каждый был привязан к рельсу» (369).

Рельсы как метафора появляются в дискурсе Курца, когда он сравнивает свои отношения с дочерью с поездами метро Нью-Йорка, которые мчатся по рельсам в разные стороны. Так и с дочерью Курц практически жил в параллельных мирах, и тем не менее дочь, поручив ему передать ее прах своему бывшему возлюбленному, чилийцу, и, наверняка зная, чем занимался отец в Чили накануне переворота, дала ему урок все принимающей любви и всепрощения.

Заканчивается повествование тем, что вместе с вдовой Руфино, Амандой, Курц развеивает прах дочери над Тихим океаном, а Аманда, узнав от Курца, как погиб ее приемный сын и оплакивая его, бросает в воды цветы и ему, и дочери Дэвида Курца Виктории: «Я молча молился, чтобы, где бы она ни была сейчас на Небесах, моя дочь простила бы меня и смогла бы возрадоваться от новой встречи с Эктором в глубинах океана, от встречи, которую ждала почти четверть века» (375).

В заключение несколько слов о самом Роберто Ампуэро Эспиносе. Он родился в 1953 г. в Вальпараисо. Уже став признанным писателем и государственным деятелем, в 2008 г. в одном из интервью он скажет о своем родном городе как о соавторе его произведений¹⁶.

После государственного переворота 1973 г. Ампуэро 20 лет провел в Восточной и Западной Германии, а в 1993 г. вернулся на родину. В настоящее время он — посол Чили в Мексике, автор серий детективных рассказов о Каэтано Брюле, романов и статей. Роман, ставший темой этой статьи, — пока последнее литературное произведение Ампуэро, где он хотел показать именно личность Сальвадора Альенде¹⁷.

Данное исследование, естественно, не исчерпывает возможности филологического прочтения и комментария этого художественного текста Ампуэро. Но закончить его хочется словами из романа: «Окончательная смерть наступает, когда ты исчезаешь из речи остальных людей, и уже никто не произносит твое имя» (320), тем самым отдавая дань памяти чилийцам — жертвам военного переворота 1973 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ R. A m p u э р о. El último tango de Salvador Allende. Chile, 2012. Перевод примеров из текста на русский язык — мой (О. Ч.).

² Ю. С. С т е п а н о в. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности. — Язык и наука конца XX века. М., 1995, с. 38.

³ А. И. С т р о г а н о в. Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1995, с. 230.

⁴ Л. А. К о с и ч е в. Продолжение трагедии в семье Альенде. — Латинская Америка, 2013, № 9, с. 39.

⁵ Там же, с. 34—46; А. И. С т р о г а н о в. Указ. соч., с. 232—237.

⁶ <http://gia.ru/spravka/20130911/961987777.html?ria=mng716sueb6lj4ngg4d80ta8p6p4ach7>

⁷ Ю. С. С т е п а н о в. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985, с. 228.

⁸ Примеры цитируются по изданию: R. A m p u э р о, 2012. Числа в круглых скобках означают номера страниц.

⁹ Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка. М., 2011, с. 152.

¹⁰ Pireño «пипеньо» — чилийское неочищенное молодое вино из различных сортов винограда, популярное в сельских районах страны.

¹¹ Любопытно, что в столице страны — Сантьяго, существует знаменитый бар-ресторан «La Píojera», где можно отведать блюда чилийской кухни и где собираются представители самых разных слоев чилийского общества; см.: <http://yorkblvd.com/2009/07>

¹² Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка. М., 2011, с. 597.

¹³ У. Э к о. Отец отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998, с. 66.

¹⁴ Чилинизм «*loco*» — название моллюска, см.: Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка, с. 482.

¹⁵ Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка; A. M o l e r o. El español de España y el español de América: vocabulario comparado. Madrid, 2003; Chilenismos. Dictionary and Phrasebook. D a n i e l J o e l s o n. Hippocrene Books, Inc, New York, 2005.

¹⁶ El Mercurio de Valparaíso, 4 de noviembre de 2008.

¹⁷ El Mercurio, Sábado, 17 de Noviembre de 2012.